После того, как Се Цяньнин и Фэн Цизе отправили Дин Сяоран обратно, они медленно вернулись к себе домой. Когда они вернулись, было уже 6 часов вечера. Было уже поздновато. Дай Фангронг с тревогой ждал дома и уже собирался позвонить, чтобы спросить. Как-то раз он увидел, что они проходят через ворота, и сразу же поприветствовал их и спросил: "Где вы были, почему поздно возвращаетесь? Я беспокоюсь за себя".

"Мы..." Се Цяньнин собиралась ответить, но Фэн Цайцзе ответил первым: "Мы просто вышли прогуляться, подышать воздухом, и мы забыли о времени, так почему же возвращаемся поздно".

Она поняла, что он имел в виду, поэтому последовала его воле и сказала: "Да, давайте прогуляемся и подышим воздухом. Я давно не выходила, поэтому опоздала".

Дай Фангронг не сомневался в том, что они говорят. Он только знал, что они благополучно вернулись. Он притянул к себе Се Цяньнин и с чувством сказал: "Ничего страшного, если ты уйдешь, не предупредив меня. Возвращаться уже поздно. Ты хочешь, чтобы я беспокоился о смерти. ?"

"Мама, как можно так преувеличивать, со мной маленькая обезьянка, ничего страшного не случится, неважно, выйду ли я на прогулку, мне сейчас все удобно!" Се Цяньнин легко ответила, пытаясь скрыть угрызения совести, вызванные ложью.

Она не собиралась скрывать этот инцидент, но она не хотела усугублять ситуацию, но скрывая его, в ее сердце всегда было чувство тревоги, и она всегда чувствовала, что настанет день, когда произойдет инцидент с Дун Чуаном.

"Мне все равно, я должна сказать мне, когда я выхожу, и я не могу вернуться слишком поздно, понимаешь?".

"Да, я понимаю, я скажу тебе, когда выйду, и никогда не вернусь слишком поздно, так что можешь не сомневаться".

"Это почти то же самое, ты уже поела? Тетя Чжоу уже приготовила ужин, и я буду ждать, когда ты вернешься, чтобы поесть!"

"Сегодня я просто играла и забыла поесть. Теперь я чувствую себя таким голодным".

"Цизэ, это твоя вина, как ты можешь заставлять Цянь Нин голодать?

" Дай Фангронг отчитала Фэн Цайцзе, показав, что она была более смелой, чем раньше. Раньше она не осмеливалась так поучать Цайцзе.

"Это мое, давайте поедим сейчас". Фэн Цайцзе был обучен, но он совсем не злился. Он бросил на Се Цяньнин глубокий взгляд.

Се Цяньнин слегка улыбнулась, кивнула и ответила.

Это дело можно хранить как можно дольше. Я надеюсь, что его можно будет хранить всю жизнь. Это будет хорошо для всех. Если наступит день, когда произойдет инцидент в Дунчуане, пусть все будет сказано тогда. Сейчас об этом думать бесполезно.

Хун Тяньфан отвез Хун Шину обратно домой, и обнаружил, что в дом, похоже, забрался вор, грязный.

"Папа, дом обворовали?" спросила Хун Шина удивленно, но не очень тревожно.

"Это должен быть Фэн Цзяронг, который послал кого-то искать диски. Вот и все. Давайте просто оставим это. Я хочу позвонить своему другу и попросить его не отдавать диски полиции". Хун Тяньфан не заботится ни о своих травмах, ни о своей семье. Это грязно, немедленно позвонить другу, чтобы подтвердить диск, и напомнить ему, чтобы он пока не сливал диск.

В его руке действительно нет диска, а последний находится у друга, но у него есть предчувствие, что этот диск нельзя оставить.

Хун Шина сидела на диване с усталым лицом. Даже если ей было неловко, ей было все равно. Ей не терпелось найти способ спасти людей. Увидев, что Хун Тяньфан положил трубку, она спросила его: "Папа, что нам теперь делать, отдать все диски Фэн Цзярону и спасти брата?".

"Фэн Цзяронг подозрителен. Даже если мы действительно отдадим все диски, он не поверит. Он должен думать, что у нас все еще есть запасной вариант, так что этот метод неосуществим". Хун Тяньфан выглядел беспомощным и обеспокоенным, размышляя. Очень хотел спасти сына, но не мог придумать хорошего способа, поэтому он нахмурился.

"Тогда что же делать?"

"Сейчас есть только один способ".

"Какое решение?"

"Получив акции в руки Се Цяньнина, можно угрожать Фэн Цзярону, чтобы спасти Чэнчжи.

Все остальные методы - пустая трата времени".

Когда я думаю о Се Цяньнин, Хун Шина начинает злиться, но независимо от того, как она злится, она все еще ясная голова, и она также очень ясно представляет себе ситуацию: "Папа, может быть нелегко получить справедливость от Се Цяньнин. Фэн Цайцзе всегда была рядом. Рядом с ней я задержалась почти на мгновение, боюсь, что сдвинуть ее с места сложнее, чем достичь неба".

"Конечно, я знаю, что это нелегко, но это единственный путь. Неважно, насколько это трудно, мы сделаем это. Пройдет совсем немного времени, и Фэн Цзяронг сможет уничтожить все диски. Я боюсь, что доля в руках моего друга не продержится долго, поэтому, если вы хотите спасти Чэнчжи, вы не можете полагаться на диски, вы можете полагаться только на капитал. Шина, мы будем работать отдельно, я буду утешать Фэн Цзярона, пусть он думает, что мы все еще блуждаем по поводу CD, ты должна найти способ получить его от Се Цяньнина. Что касается капитала, если есть необходимость, просто скажи мне, что если мы не преуспеем в этот раз, то наша семья Хун будет разрушена." Хун Тяньфан приготовился к двум крайностям, одна из которых - успех, выигрыш всего, а другая - провал. Ничего.

Дело дошло до такой степени, и Фэн Цзярон не мог его отпустить, поэтому один из них должен потерпеть неудачу.

"Хотя это и сказано, я действительно не знаю, что делать, чтобы получить акции в руки Се Цяньнина? Папа, неужели нет другого выхода?" Она не хотела двигать Се Цяньнин, жаль, что она двигала Нет больше.

"Нет." беспомощно ответил Хун Тяньфан, тяжело вздыхая.

Услышав этот ответ, лицо Хун Шина наполнилось печалью. Всего за несколько дней весь человек, казалось, значительно постарел. Помимо вздохов, она еще вздыхала. Вздохнув вдоволь, она сердито пожаловалась: "Я действительно безвольная, почему Бог не лечит меня? По справедливости, это не должно быть моей судьбой. Бог, должно быть, поменял мою судьбу на судьбу Се Цяньнин".

Все, что сейчас есть у Се Цяньнин, должно принадлежать ей. Это так много.

"Сина, перестань думать о прошлом.

Это приведет лишь к пустой трате времени и энергии. Мы должны думать о настоящем и о том, что мы должны сделать, чтобы перевернуться. Если мы не сможем перевернуться, оно будет уничтожено и превратится в так называемых Людей Низкого Уровня, ты знаешь?". Хун Тяньфан убеждал, что он не хочет, чтобы на его дочь снова повлияло прошлое, и надеялся, что она сможет направить все свои мысли на настоящее и усердно работать, чтобы пройти через это затруднительное положение вместе с ним.

"Папа, я знаю, я обязательно найду способ".

"Глупый мальчик, ты много страдал в эти дни, а люди похудели. Давай сначала вернемся в комнату и отдохнем. Только когда ты достаточно отдохнешь и у тебя появится энергия, ты сможешь придумать лучший способ, верно?"

"Хорошо, папа, неважно, есть ли у тебя травмы. Почему бы нам сначала не пойти в больницу". Хун Шина отложила свою печаль, а затем заметила, что ее отец покрыт травмами.

"Это все небольшая травма кожи. Это не мешает. Просто прими какое-нибудь лекарство. Кстати, не ты ли говорил, что Се Мингшан должен стать лидером? Почему нет никаких новостей?" Хун Тяньфан вдруг вспомнил об этом человеке и спросил в замешательстве. Слишком много последних событий, для такого маленького человека, он действительно не помнил.

"Я не знаю, где сейчас Се Миншань. Я дал ей денег и хотел, чтобы она перепутала жизни Фэн Цайцзе и Се Цяньнин. Кто бы мог подумать, что она испугалась, сходив туда всего один раз, ведь в последнее время было столько событий, поэтому я не обращал на нее внимания. Но теперь кажется, что Се Миншань бесполезна, потому что она боится Фэн Цизе, так что даже если мы найдем ее, боюсь, она нам не поможет."

"Я говорю не о том, что Се Миншань делает что-то для нас, а о ее отце Се Чжэнфэне. Я только сегодня узнал, что Ли Чжэнци - это Се Чжэнци. Значит, Се Чжэнци - брат Се Чжэнфэна, а Се Цяньнин заботится о Се Чжэнфэне. Мы можем последовать за ним. Поймайте его".

"Почему я не подумал об этом человеке?

" Печаль на лице Хун Шины исчезла, и она зловеще улыбнулась, чем больше она улыбалась, тем мрачнее становилась.

Поскольку вы не можете начать непосредственно с Се Цяньнина, тогда начните с Се Чжэнфэна. Так все будет намного проще.

"Сейчас самое время, поэтому мы должны использовать некоторые очень методы, очень

методы, чтобы поймать Се Чжэнфэна и угрозами заставить Се Цяньнина отдать акции. Это самое быстрое, самое эффективное и последнее средство".

"Папа, я знаю, что делать. Если мы не сможем пережить этот чрезвычайный момент, семья Хун станет такой же, как семья Вэнь, и мы потеряем все". Чтобы не быть такой же несчастной, как Вэнь Шаохуа, она должна упорно трудиться.

"Сина, все должно быть сделано незаметно. Не надо встречаться с полицией лицом к лицу, как в прошлый раз. Так что на всякий случай подожди, пока я все устрою, прежде чем действовать. Ты должна спросить об этом в ближайшем будущем. Что касается новостей Се Чжэнфэна, посмотри на его сильные и слабые стороны, и тогда мы сможем начать". Хун Тяньфан напомнил ему, что он не хочет слишком волноваться и провоцировать плохие вещи.

Если дело провалится, тогда им всем придется сесть в тюрьму, и все будет кончено.

"Папа, не волнуйся, я знаю всю серьезность дела, и у меня есть понимание, что нужно делать".

"Это хорошо, надеюсь, я смогу получить капитал, который Се Цяньнин держит в руках в течение месяца, иначе Чэнчжи точно возненавидит меня".

Говоря об этом вопросе, Хун Тяньфан снова начал вздыхать. Несмотря на то, что этот сын очень бесперспективен, в конце концов, это его сын. Он не хочет, чтобы между ними возникло какое-либо отчуждение.

Хун Шина знала о его печали, поэтому она утешила его: "Папа, не волнуйся, я думаю, что брат должен понимать твои трудности. Большая часть того, что твой брат сказал сегодня, - это гнев. Не волнуйся об этом, пока мы спасаем брата. мы сможем жить в гармонии, как и раньше".

"Я надеюсь на это. Ладно, все устали за день. Давайте отдохнем. Давайте долго обсуждать, достаточно ли мы отдохнули.

" Хун Тяньфанг смирился с печалью в своем сердце, не желая тратить время на размышления о таких вещах.

Вместо того чтобы думать об этом, подумайте о том, как спасти людей.

"Тогда я вернусь в свою комнату и отдохну".

"Иди, выспись как следует".

"Хорошо." Хун Шина встала и пошла наверх. Поднявшись на верхнюю ступеньку, она оглянулась и увидела отца с грустным лицом. Затем она посмотрела на беспорядок в доме и поклялась себе: Даже если это так. Нефрит и камень были сожжены, ей пришлось заплатить тяжелую цену за то, что она запечатала свой дом.

()

http://tl.rulate.ru/book/40213/2082691